

УМЕЙ ЖИТЬ С ВОПРОСОМ – ОТВЕТ ПРИДЕТ

*РАССКАЗ УЧИТЕЛЯ НЕОБЫЧНОЙ
ФИЗКУЛЬТУРЫ СЕРГЕЯ РЕУТСКОГО
О СВОЕЙ ДИДАКТИЧЕСКОЙ КУХНЕ*

Почему постоянно кто-то дерётся, взрывается – а кто-то не взрывается и не дерётся? Кто-то рассчитывает свои силы: спрыгнет он с этого забора или нет – а кто-то шею ломает? В том-то и задача: у детей есть потребность – определиться с внешними границами мира и выстроить внутренние. А педагог должен в этом помочь детям. Вот и все.

Для меня школа осталась в памяти страшным сном. Откуда эта неудовлетворённость, долго не понимал. После окончания школы ещё лет десять по ночам мне снились кошмары...

В те кошмарные времена я нечаянно попал в лапы к одному педагогу. «Лапы» были до боли жёсткими, но на удивление добрыми. Методика образования была странной. Нам давали задачи на пределе личных возможностей, и решай их, как хочешь. В общем, как в сказке «Пойди туда – не знаю куда, возьми то – не знаю что».

Основными компонентами образовательной ситуации были поединки и чаепития. Сложность задачи в поединке определялась скоростью, плотностью, силой удара, кочевряжистостью траектории движения, количеством противников и так далее. Как только мы решали одну задачу, ставилась следующая, потруднее.

На чаепитиях говорили за жизнь и за наши личные качества, каковые мы проявляли в предложенных обстоятельствах. Можно было узнать много нового, обескураживающе интересного про себя, хитренького, – про то, что обычно прячется под маской. Объяснения давались только тогда, когда у кого-нибудь из нас нечто получалось. Наставник, обращаясь в первую очередь лично к этому человеку, рассказывал, что же

у него получилось, на какую полочку это можно положить, когда и как пользоваться.

Потрясающим было то, что чем слабее была работа, тем в ней больше можно было обнаружить того, за что её можно похвалить, а чем сильнее – того, за что её можно было покритиковать.

Результаты были странными. Мы стали более спокойными, перестали суетиться и... обнаружили наличие духовного мира внутри и вокруг себя.

Кроме этого выяснилось, что раньше мы смотрели только себе под ноги. А когда подняли глаза, были поражены и ослеплены красотой окружающего мира. Было очень сомнительно, чтобы он (мир) случился нечаянно...

Всё можно и ничего нельзя

Работая после армии учителем физкультуры, я часто задавал себе вопрос: «Как же так? Мы здесь, в школе, ничего рискованного детям не разрешаем, даже по канату лезть – мат подкладываем. А через год-другой в армии – всё по-другому: руку-ногу сломал – ерунда, пустяк». Говорили даже, что допустима гибель трёх процентов личного состава во время учений...

Что такое? Почему так? Почему такой резкий разрыв: в армии – «все можно», а в школе – «ничего нельзя»? Когда же и где учиться умению и задачу выполнить, и живым и невредимым остаться? В школе –

бесконечное планирование, а Суворов говорил: «Удивил – победил».

Я был совершенно потрясён открывающимися противоречиями. Не враги же народа эту лучшую в мире систему образования создавали...

А может быть, эти неистребимые вредители – мы сами?!.

Ступеньки пологие и крутые

Потом в моей жизни случился «легкомысленный роман» с эвритмией (эвритмия – это не имя, а элемент вальдорфской педагогики). Мы образовывались по 8–10 часов в день. В перерывах опять же случались чаепития с разговорами за жизнь. Удивлялись, что хоть и талантливые у нас на курсе педагоги, но какие-то странные: говорят, что должно получиться, а как этого добиться – не объясняют.

Вскоре после «развода» с эвритмией случилась не менее странная московская школа, где администрация требовала не столько работы, сколько понимания того, что ты делаешь. И это было бы ещё ничего, но администрация настаивала, чтобы мы понимали язык методологов, а это было просто невозможно, потому что хоть они и говорили по-русски, но абсолютно иностранно.

К тому же она (администрация) была фанаткой разбивать нас на команды и давать задания невозможной трудности без объяснения, как их выполнить. Утешало только то, что здесь работал разнообраз-

но талантливый народ, который на удивление охотно садился пить чай и разговаривать за жизнь в любое время суток.

Было понятно, что методологи не просто ставят нам задачи, а основную задачу разбивают на много-много подзадачек-ступенек – более пологих или более крутых, но ведущих к вершине. Однако это не однозначное «от простого к сложному» – предлагался веер задач и упражнений. Делаешь то, что интереснее (или понятнее), – появляются новые качества, а с ними новый веер задач.

В нас постоянно поддерживали желание самостоятельно работать и побуждали подходить к пределу личных возможностей. Проявлялись способности, о которых никто из нас и не подозревал. Мастера и сами постоянно штурмовали новые крутые ступе-

ни. Рядом с ними легко думалось и делалось.

И вот мне, испорченному этой педагогикой, захотелось понять, как работали эти мастера и можно ли нечто подобное использовать в школьной физкультуре? Хотя бы попытаться...

Про безопасность по-другому

Сейчас моему дядьке около 70 лет. Его детство – это время довоенное и военное. Как их воспитывали? Детей (первых–седьмых классов) родители по утрам выгоняли в лес, чтобы не мешались. Территория леса от дома до озера – километров три–пять, то есть достаточно ограниченная.

Шли в лес они табуном – старшие и младшие. И дядька с восторгом рассказывал, что если младшие делали что-нибудь не так, то старшие могли и подзатыльник дать – и всё быстро вставало на место.

Традиции этого мира (этой деревни) воплощали старшие. Церковь рядом с этим селом никогда не закрывалась. Наверное, с этими старшими детьми было нестрашно выпускать маленьких. Это о безопасности.

Но давайте про безопасность по-другому – об опасности.

Дядька говорил, что они лазили по всем деревьям, какие только там росли, – соревновались. Добывали себе сами еду – ловили рыбёшку

и варили её в консервных банках. Мёд собирали, корешки, травы... Полное освоение природы.

Затем «поджиги». Это серой набитая трубка. Поджигаешь – и она стреляет. Пересказываю дядьку: «У нас в компании был один инженер, который сделал почти настоящую пушку. Не поленился, достал где-то трубу, набил серой, заряд вставил. Пушка была на колесиках. Нашли место, где испытывать. И тут же нашлась команда из трёх человек, которая захотела, чтобы заряд просвистел у них над головой. Они легли перед пушкой за бугром так, чтобы просвистело. Изобретатель поджёг. Эта конструкция жажнула. Отдача была такая, что пушку откинуло и перевернуло. Соответственно и просвистело над головами. Команда испытателей с восторгом выскочила на общее обозрение, а остальные кусали локти и слюни пускали, оттого что не решились лечь под пролетающий снаряд».

И теперь можно спросить про безопасность. Спрашиваю. Каким образом в таких условиях детям удавалось выживать? Почему они не погибали? И почему наши дети должны погибнуть в спортивном зале? Почему?!

ФИЗКУЛЬТУРА НЕ ОБ ЭТОМ

Мне хотелось, чтобы на моих уроках, с одной стороны, было интересно, а с другой – чтобы этот интерес работал на что-то важное

и ценное. Через какое-то время обнаружилось, что детям всегда интересно именно самое главное и важное в жизни и они все до одного хотят это постигать, готовы на это все свои силы тратить. Даже непонятно, каким образом школа при этом умудряется отбить это желание?

Недавно я услышал, что наибольшие стрессы, наибольшие страхи и чувство неуспешности у школьников вызывает урок физкультуры. Только на втором месте – химия, и только затем – словесность, родной язык. Как же дать возможность им почувствовать себя успешными, поверить, что «человеку всё возможно» (но не вс» полезно).

Трудно испытать себя на пределе физических способностей – пределе выносливости, силы, гибкости, быстроты (для этого надо быть хорошо подготовленным). Вот ощутить предел координации намного безопаснее и проще. Можно испытывать себя и на пределе эмоциональном: когда вокруг бушуют страсти и трудно оставаться спокойным, рассудительным, не поддаваться массовому влиянию, не стать толпой, преодолеть свои страхи, зажимы.

Введите в такие испытания ещё и интеллектуальные сложности (например, перевод с языка геометрических схем на язык движения). Каждая сторона дела – эмоциональная, физическая, интеллектуальная – вроде бы не так сложна,

но только до тех пор, пока вы их не соединили. А вот вместе они создают невероятную сложность и могут стать тем самым пределом, который стремишься преодолеть.

Но если мы в традиционной физкультуре к пределу подходим, истощая свои физические силы (например, длительный бег) или через соревновательную деятельность (в которой все настроено на первенство, на поддержку тщеславных, гордых тенденций), то у нас на занятии предел достигается через комплекс задач, в равной степени эмоциональных, интеллектуальных и физических, когда каждый может первенствовать в своём.

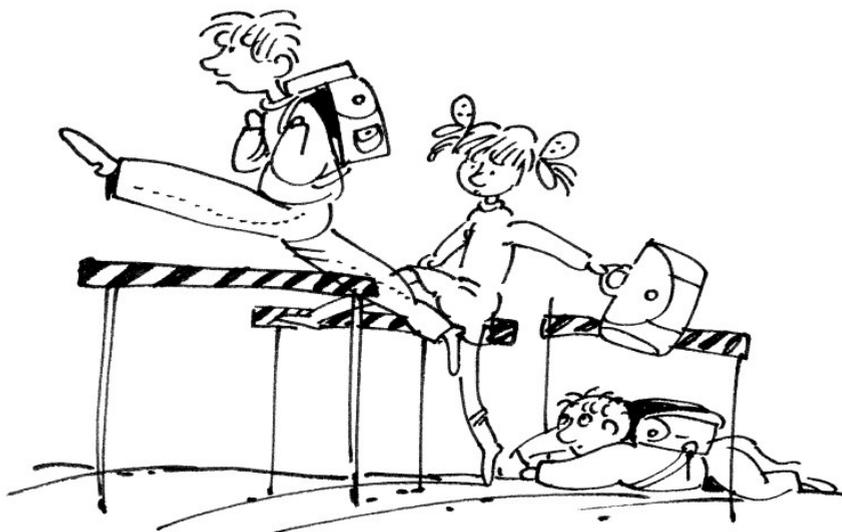
Понятно, что большинству детей, перегретых сидением за партой и занятых чаще всего исполнительской работой, необходимо было выпускать двигательный и игровой пар. Постепенно в школе (и в помещении, и на улице) появились физ-

культурные комплексы (ФК), где дети самостоятельно и с большим удовольствием могли получать индивидуальную дозу физической нагрузки и игры.

Сначала ФК были обычными, небольшими. Затем помаленьку увеличивались и усложнялись. А потом на уроке появилось свободное время, и... начались путешествия с приключениями, «зверобатика», двигательные задачи, игры с переменными правилами и так далее...

Такая ясная сложность

Давно замечено: когда ты попадаешь в должное состояние, у тебя получается всё само собой легко, просто, непринужденно. Как раньше говорили: «Дух ведёт». А можно делать от ума и эмоций, но это более медленный труд, хотя более наглядный.

Вот в цирковом искусстве без самоконтроля ничего не выйдет, без уравновешенности ты не пройдёшь по канату, не сможешь жонглировать несколькими предметами. Думаю, что за цирковым искусством огромное будущее. Может быть, на смену увлечениям восточными школами придут увлечения цирковыми школами? В них проще и более явно можно работать над совершенствованием внутренних способностей людей – техники давно отработаны.

Но цирк – это традиция, ушедшая в демонстрацию. Так же и театр. Думаю, что он появился, для того чтобы кому-то самому что-то пережить, почувствовать, про себя понять, и только потом превратился в зрелище, где мы отстраненно что-то наблюдаем.

Я был потрясён, ближе узнав народные традиции. Насколько мощно было все проработано и ладно одно к другому укладывалось.

Один из примеров: взял книгу старинных игр и был потрясён сложностью правил. Очень сложные и запутанные правила, причём они движутся в сторону постепенного усложнения. И тут же выяснилось, что у вальдорфцев масса

похожих игр и упражнений введена в обучение. А в современной физкультуре этого нет, всё упрощено и направлено исключительно на совершенствование двигательных качеств.

В старых традициях двигательные качества постоянно давались в сплаве с интеллектуальными, эмоциональными задачами и задачами на внутренний контроль.

Если мы условно понимаем структуру человека как физическое, интеллектуальное, эмоциональное и нравственно-духовное – соответственно в этих областях и нужно работать так, чтобы стараться их соединять. Сам прогресс человечества, наверное, возможен только на их воссоединении.

Хотя, конечно, телесные ситуации намного проще создать и проконтролировать. А духовно-нравственные вообще вряд ли возможно контролировать извне. Только внутри, с помощью своей совести, человек может соотнести тот или иной поступок с теми или иными ценностями, исходя из которых он его совершил.

*Записала
Мария Ганькина*

